

После смерти деда Ань Туна её отец и второй дядя, не имея учёных степеней и рангов, были вынуждены вернуться домой, чтобы управлять семейными землями. Дедушка Цзян Чэнъяня, с другой стороны, был человеком, который держал своё слово. Он не стал смотреть свысока на семью Ань, даже когда его должность становилась всё более высокой, и не позволил семье Цзян расторгнуть брачный договор между Ань Тун и Цзян Чэнъянем.

Вскоре после того, как дед Цзян Чэнъяня был повышен до пятого ранга, он скончался, и его сын, Цзян Даофан, получил назначение по протекции на должность уездного воеводы в Таоцзяне, где и прослужил семь лет.

Поскольку семьи Цзян и Ань жили недалеко друг от друга, они продолжали поддерживать отношения. Иногда мать Цзян Чэнъяня приглашала Ань Тун в гости.

Ань Тун задумалась: почему Цзян Даофан получил назначение именно в Таоцзян? Неужели всё это было predetermined автором, чтобы создать такую нелогичную ситуацию?

Она читала пьесы и знала, что иногда авторы, описывая романтические отношения, опускают многие детали, и никто не обращает внимания на несостыковки в сюжете.

Таким образом, можно объяснить, почему она стала персонажем, которого никто не любил. Её добрые дела не были показаны, и людям видна была только её «злая» сторона — преследование Цзян Чэнъяня.

На самом деле она, казалось, не преследовала Цзян Чэнъяня. Она приходила в дом Цзянов только по приглашению его матери, и, если они случайно встречались, она лишь вежливо здоровалась. Но после того, как автор смутно описал это, людям казалось, что она преследует Цзян Чэнъяня.

При мысли об этом она почувствовала досаду и бессилие.

— Сестра! — раздался голос Ань Лань за дверью, и, не дожидаясь ответа, она вошла в комнату.

Ань Тун, держась за голову, почувствовала головную боль от привычек Ань Лань. Она встала и вышла в главную комнату, где увидела Ань Лань с тарелкой хрустящих сладостей, которая беззаботно уселась на её кровать. Увидев её, Ань Лань сказала:

— Сестра, я сама приготовила масляные лепёшки, попробуй!

Ань Тун села напротив Ань Лань и внимательно посмотрела на свою двоюродную сестру, которую редко видела после переезда в город. Она попыталась вспомнить больше о ней из книги, но ничего не пришло на ум.

Она почувствовала облегчение. Если о Ань Лань никто не упоминал, значит, она не была важным персонажем... по крайней мере, не так, как она сама, которая из-за противостояния с Сюй Сянжу не получила счастливого конца. К тому же через некоторое время семья второго дяди переедет в город, и Ань Лань будет меньше контактировать с Сюй Сянжу.

— Тебе пора домой, — сказала Ань Тун.

Дом второго дяди и дом Ань Тун находились недалеко друг от друга, всего лишь на расстоянии от начала до конца деревни. В семье Ань было только две дочери, Ань Тун и Ань Лань, и они с детства играли вместе. Каждый раз, когда Ань Лань чувствовала себя неудобно дома, она убегала... на самом деле приходила к Ань Тун, и они спали в одной кровати, разговаривая до

поздней ночи.

Ань Лань была всего лишь пятнадцатилетней девушкой, наивной и жизнерадостной, избалованной из-за благополучного положения семьи, и потому немного своенравной. Обычно она была послушной, но если её разозлить, она могла стать настоящей фурией.

— Нет, мне здесь хорошо, я сплю как младенец и живу лучше, чем боги, зачем мне возвращаться? — сказала Ань Лань.

Ань Тун вспомнила привычку Ань Лань отбирать одеяло, и ей стало ещё холоднее. Она обняла себя за плечи:

— Ты скинула меня с кровати и даже не заметила, видимо, действительно спала крепко!

Ань Лань вспомнила, что во сне она, кажется, толкнула что-то тяжёлое спиной, и ей стало неловко. Она решила притвориться глухой:

— Кажется, я слышала, как брат зовёт меня, пойду посмотрю!

С этими словами она хотела убежать, но Ань Тун не дала ей шанса, схватив её руку и крепко сжав её в своей ладони.

Ань Лань почувствовала боль, и её нежное лицо сморщилось:

— Сестра, что ты делаешь?

Ань Тун чувствовала тепло, исходящее от ладони Ань Лань, и в глубине души снова и снова убеждалась, что Ань Лань — реальный человек, а не вымышленный. Наконец она отпустила руку:

— Ничего.

Ань Лань вдруг вспомнила, как утром Ань Тун шлёпнула её по спине, и ей показалось, что Ань Тун ведёт себя странно:

— Сестра, ты не сошла с ума?

Ань Тун посмотрела на неё с укором:

— Это ты сошла с ума, я просто забочусь о тебе!

— Утром ты ударила меня так сильно, а сейчас так крепко сжала мою руку, разве это забота?

Ань Тун с уверенностью ответила:

— Кто сказал, что я не забочусь о тебе? Просто забота получилась слишком сильной!

Ань Лань убежала. Такая сильная забота ей действительно была не по душе!

Когда Ань Тун снова вышла из комнаты, Ань Лань уже была уведена своим братом Ань Юсюем. Мать Ань Тун, Ли Цзиньсю, всё ещё не вернулась домой. Как напомнила Ань Лань, Ли Цзиньсю пару дней назад вместе с матерью Цзян Чэнъяня, госпожой Гао из семьи Цзян, отправилась в храм Фуэнь для поклонения Будде.

Хотя староста Ань не хотел продолжать брачный договор, это не мешало Ли Цзиньсю поддерживать дружеские отношения с госпожой Гао.

Кстати, Ань Тун забыла, почему знала, что её отец не хотел продолжать брачный договор. Она долго думала, но так и не смогла вспомнить, и это её раздражало.

Староста Ань должен был контролировать сбор налогов и разбирать мелкие споры в деревне, и, только что вернувшись утром домой, он снова ушёл и до сих пор не вернулся. К счастью, в период сельскохозяйственного затишья старший патруля помогал собирать деревенские семьи для тренировок, иначе он бы не справился.

В большом доме семьи Ань был только один управляющий, повар и несколько слуг и служанок, что совсем не походило на богатую семью, владеющую более чем двадцатью гектарами плодородной земли.

Однако Ань Тун нравилась атмосфера в доме: мало людей, мало дел, по крайней мере, не так, как в доме её дяди, где было несколько жён, наложниц и детей, и где постоянно царил шум и не было покоя.

Но именно из-за того, что в семье Ань было мало людей, у неё не было служанки, которая бы её сопровождала, что дало возможность двум убийцам напасть на неё, когда она выходила одна. Она подумала о том, чтобы нанять двух служанок, но тут услышала, как слуга Ань Синь разговаривает с кем-то за дверью.

Ань Тун случайно оказалась во дворе, и у неё не было привычки подслушивать, но она услышала знакомый голос и невольно насторожилась. Однако, прежде чем она смогла разобрать слова, Ань Синь полностью открыл боковую дверь, и её взгляд встретился с взглядом человека, стоящего за дверью.

Ань Тун почувствовала неловкость. Она действительно не подслушивала и ничего не слышала, но насмешливый взгляд Сюй Сянжу явно обвинял её в этом.

— Зачем ты пришла? — спросила Ань Тун, избегая взгляда Сюй Сянжу.

Ань Синь сказал:

— Госпожа Сюй пришла искать господина.

— Но отца нет дома, — ответила Ань Тун.

Сюй Сянжу улыбнулась:

— Я знаю, что старосты нет дома, но разве молодая госпожа не может помочь?

Ань Тун заинтересовалась:

— О? Что же я могу для тебя сделать?

— Ничего особенного. Я слышала, что несколько дней назад караван ослов с запасами угля и древесного угля прибыл из Хуайчжоу, и староста закупил много угля и древесного угля. Вы знаете, что таким, как мы, даже если мы стоим в очереди, не удаётся купить уголь и древесный уголь, поэтому я осмелилась прийти сюда, надеясь, что староста продаст мне немного.

Ань Тун задумалась. Их семья каждую осень заготавливала уголь и древесный уголь для

отопления, и уголь обычно доставлялся с севера. В Таоцзяне, таком отдалённом месте, цена на уголь была немалая: пятнадцать цзиней (около 7,5 кг) стоили шестьдесят вэней.

В городе было много частных лавок, но цены там были ещё выше. Поэтому семья Ань обычно сама договаривалась с караванами, закупая большую часть угля. Таким людям, как Сюй Сянжу, даже если у них были деньги, действительно не удавалось купить много.

Если бы раньше Сюй Сянжу разозлила Ань Тун, она бы скорее пожелала ей замёрзнуть, чем продала бы ей уголь. Но теперь она подумала, что её прежние мысли действительно напоминали мысли злодейки.

— Сколько тебе нужно?

В конце концов, Ань Тун не смогла поступить так, как раньше, ведь она только что думала о том, как сделать жизнь Сюй Сянжу лучше, чтобы она не стала главной героиней!

— Сейчас ещё не так холодно, и если купить слишком много, они могут испортиться, поэтому мне нужно всего три цзиня, — ответила Сюй Сянжу.

Один кусок угля горит сильнее, чем древесный уголь, но дольше сохраняет тепло. В семье Сюй, где был только Сюй Сань, едва сводили концы с концами, поэтому уголь и древесный уголь старались экономить.

Ань Тун велела Ань Синю отдать ей три цзиня, но не взяла с неё денег, сказав:

— Это всего три цзиня, моей семье они не нужны.

- Все китайские иероглифы переведены согласно глоссарию
- Исправлены пунктуация и оформление прямой речи согласно требованиям
- Удалены кавычки в прямой речи, заменены на длинное тире

<http://bllate.org/book/16381/1482338>